

Размышление над книгой

Essay Review

DOI: 10.31857/S020596060016357-4

ЧЕГО ХОТЯТ И ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ УЧЕНЫЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИКО- ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: РОССИЙСКАЯ НАУКА В ГОДЫ КРИЗИСА 1917–1922 гг.

РОДНЫЙ Александр Нимиевич — *Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: anrodny@gmail.com*

Публикация в 2020 г. книги Э. И. Колчинского и Е. Ф. Синельниковой о выживании и самоорганизации российской науки в кризисные годы актуализирует затронутую в ней проблематику для историко-научных исследований. Уход в том же году из жизни одного из авторов, выдающегося историка науки Эдуарда Израилевича Колчинского (1944–2020), служит поводом обратиться к его научно-биографическому наследию, не ограничиваясь данной работой. Тем более что реконструкция науки в условиях кризиса вековой давности осуществляется историками, которые сами имеют опыт существования в «кризисной науке». В первую очередь это относится к Колчинскому, не только крупному ученому, организатору науки, лидеру научной дисциплины и исследователю социально-экономических, идейно-политических, социокультурных и когнитивно-институциональных кризисов, но и активному участнику жизни междисциплинарного научного социума большого региона страны, а также, что чрезвычайно важно, рефлексирующему ученому, оставившему после себя замечательные воспоминания и размышления о жизни страны и людей, и в первую очередь ученых, встретившихся на его жизненном пути¹. Эти воспоминания-рефлексии — ценный материал для изучения науки в условиях кризисов, в том числе они имплицитно отражают жизнь отечественных ученых в турбулентный период революционных и послереволюционных лет (1917–1922).

Хотя основной фокус работы Колчинского и Синельниковой направлен на изучение жизни и деятельности ученых Российской академии наук и научных обществ, авторам, на мой взгляд, благодаря широкой панораме

¹ Колчинский Э. И. Так вспоминается, или Еще одно лжесвидетельство (главы из книги) // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 1. С. 250–301.

рассмотрения процессов самоорганизации отечественной науки удалась реконструкция науки в целом с ее учебно-педагогической, прикладной и военно-мобилизационной инфраструктурой. Они показали, как за шесть лет в стране произошли изменения в кадровом составе, структуре деятельности, институциональных формах, самоидентификации и мотивации российского научно-педагогического сообщества. Пожалуй, как раз такое фундаментальное исследование позволило им сделать вывод, что

именно в период кризиса 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени. Сформированные в то время механизмы финансирования научных учреждений и организаций, нормативно-правовая база их деятельности, а в равной степени и созданные структурные формы организации исследований были актуальны и эффективны длительное время (с. 260).

Мобилизационная наука, возникшая еще в годы Первой мировой войны, была насущно необходима и новой советской власти для защиты и построения «рабоче-крестьянского государства», которое, однако, по своей природе стало формироваться как номенклатурное. Большевистская номенклатура начала решительно захватывать в свои руки государственную и частную собственность бывшей Российской империи, заставляя граждан работать на себя, широко используя популистскую коммунистическую идеологию. Ученые с их научными учреждениями и научно-педагогическими заведениями под лозунгами национализации и народного управления перешли в разряд служащих без права решающего голоса в определении научно-технической политики страны.

Но будет упрощением считать, что эта пришедшая к власти номенклатура, постепенно овладевавшая всеми руководящими постами государства, состояла только из большевиков-революционеров. Безусловно, нет, — она не имела такого кадрового потенциала, чтобы управлять наукой. Ей с первых же шагов понадобились рекруты среди ученых, готовых по идеологическим соображениям или вынужденных по разным причинам — от патриотического служения родине до страха за свою жизнь — поддерживать коммунистический режим. Ставя ученых на руководящие посты, большевики, среди которых были и ученые-революционеры, способствовали зарождению новой социальной группы. Ее можно охарактеризовать как класс «номенклатурных ученых», которые, в своем большинстве не разделяя коммунистические идеалы, получали командные позиции, а с ними различные привилегии и возможности распоряжаться финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами без четкой законодательной базы, опираясь в основном на указы и постановления различных государственных органов.

Здесь следует хотя бы в сжатом виде уточнить концепцию «номенклатуры», наиболее четко выраженную С. Д. Хайтуном, применительно к сформировавшейся во всех странах социалистического лагеря форме управления трудовыми и материальными ресурсами, обеспечивавшей

жизнедеятельность населяющих их народов². В ее основе лежат три основополагающих принципа функционирования номенклатурного слоя: во-первых, переподчинение государственной и частной собственности номенклатуре; во-вторых, установление для нее системы привилегий; в-третьих, размытость и отсутствие законодательной нормативно-правовой базы, позволяющей номенклатуре присваивать собственность и пользоваться привилегиями в качестве накопления личного и номенклатурного капитала.

Роднило «номенклатурных ученых» с большевистской номенклатурой то, что они приняли ее правила игры, сделавшие возможным отрицание «объективной честности» и воцарение революционной целесообразности в достижении поставленных целей. Для этого потребовалось уничтожение гражданских свобод и установление бесправия и террора по отношению к лицам, неудобным номенклатуре. Апогеем беззакония стал декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности» от 18 февраля 1918 г., дающий право внесудебных расследований с последующим расстрелом «неприятельских агентов, германских шпионов, контрреволюционных агитаторов, спекулянтов, громил, хулиганов». Ф. Э. Дзержинский сразу обозначил принцип социально своего и чужого в следующем пассаже: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не особенно способным, и не совсем нашим, но очень способным, у нас в ЧК необходимо оставить первого»³. Данный принцип подбора кадров не был только достоянием ЧК, а распространялся на все сферы деятельности, включая научную и научно-педагогическую.

Госбезопасность стала самым влиятельным ведомством в стране, беря под контроль жизнь и деятельность ученых. Одним из таких «контрольных устройств» стала выпущенная в 1920 г. инструкция Наркомата иностранных дел о заграничных паспортах, разрешавшая пересечение границы только с разрешения органов госбезопасности⁴. Невозможность свободного выезда за рубеж для ученых стало мощным препятствием для международных контактов и началом все усиливающегося процесса изоляции отечественной науки.

В условиях репрессий, в атмосфере страха, материальных и моральных лишений, ограничений свобод ученые пытались бороться за возможность заниматься творчеством и сохранить профессионализм, что хорошо показано Колчинским и Синельниковой на примерах конкретных человеческих судеб. Сильной стороной их работы является то, что они опирались на дневниковые записи профессиональных архивистов и историков, которые в тяжелейших условиях фиксировали жизнь российских ученых во всех ее проявлениях. Особенно ценными для авторов оказались дневники известного архивиста, руководителя исторического отдела Морского министерства и

² Хайтун С. Д. Четыре ошибки Карла Маркса и их проекция на путинскую Россию // Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии. Сборник трудов / Отв. ред. В. П. Макаренко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 96–115.

³ Млечин Л. «Нет имени страшнее моего» // Новая газета. 2021. № 21. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

будущего директора Архива АН СССР Г. А. Князева, опубликованные только в 1991 г.⁵, а также дневники профессора Московского университета, с 1939 г. академика АН СССР Ю. В. Готье, изданные в 1988 г. в США⁶ (с. 18).

Не используя сам термин «номенклатура», авторы, исходя из логики своего исследования, затрагивают номенклатурную проблематику, показывая не только взаимоотношения между властью и учеными, но и взаимодействия внутри научного сообщества, между различными его стратами. Эти взаимодействия хорошо прослеживаются в кейсах послереволюционного реформирования архивного и библиотечного хозяйства. Так, «освобождение» архивов от РАН произошло довольно банально для того времени. Вместо Союза российских архивных деятелей во главе с академиком А. С. Лаппо-Данилевским 29 марта 1918 г. был создан государственный орган — Совет по управлению архивами, председателем которого стал член РСДРП(б) с 1917 г. Д. Б. Рязанов, а его заместителем — сторонник конституционной монархии, член-корреспондент РАН С. Ф. Платонов (с. 158).

Следует отметить, что большевики из всего научно-образовательного комплекса страны оставили возможность самоуправления лишь РАН и некоторым научным обществам, которые были готовы сотрудничать с новой властью и решать задачи прикладного характера, которые они сами намечали, но не имели возможности решить до революции. Так, РАН, получив такую привилегию, провело реорганизацию системы управления Библиотекой Академии наук. В результате было решено, что библиотеку и оба ее отделения должны возглавлять академики-директора, а общее управление оставить за Постоянной библиотечной комиссией, в которой восемь человек были академиками и только три библиотекарями. Авторы исследования резюмируют такие действия РАН следующим образом: «В реальности это была демократия не для профессионалов, а для академиков, т. е. своего рода академическая олигархия» (с. 44).

Идеологический прессинг номенклатуры проявлялся не только на личном уровне, репрессируя и лишая возможности заниматься наукой отдельных ученых, но и на институциональном. Идеология использовалась как средство подчинения своему влиянию институтов науки. Это можно видеть по негативному отношению к различным научным обществам и проектам создания учреждений гуманитарного профиля. Например, идея Лаппо-Данилевского об Институте социальных наук, поддержанная Общим собранием РАН 18 (5) июня 1918 г., не получила одобрения в Совнаркоме, а вместо института в апреле 1919 г. большевики создали собственную Социалистическую академию общественных наук с идейно близкими им «товарищами»-учеными (с. 152).

⁵ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 2. СПб.: Свелен, 1991. С. 97–199; Кн. 4. СПб.: Logos, 1993. С. 35–149; Кн. 5. СПб.: Logos, 1994. С. 148–242.

⁶ Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e: Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922. Princeton: Princeton University Press, 1988; Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.

По-другому складывались судьбы институций научно-технического профиля. Тому пример Комиссии по изучению естественных производительных сил России, где ученые могли разрабатывать «стратегию институционализации естествознания и координировать прикладные исследования в масштабах всей страны» (с. 148). Они достаточно успешно социализировались, а некоторые из них могли заниматься исследовательской работой не только прикладного, но фундаментального характера. Авторы исследуют процесс социализации ученых не только на примере данной комиссии, но и таких институций, как РАН, Наркомпрос и другие наркоматы, научные и образовательные учреждения и организации. Они также рассматривают адаптацию ученых в рамках Научно-технического отдела ВСНХ РСФСР (НТО), различных министерств и управленческих структур за пределами республики (на «белых» территориях) (с. 258).

НТО, созданный декретом СНК от 16 августа 1918 г., стал наиболее влиятельной структурой управления, определявшей и координировавшей научно-техническую политику страны. При организации НТО и его Научной комиссии ученые, прежде всего из РАН, пытались противостоять стремлению большевистской номенклатуры централизовать управление наукой и ущемить свободу творчества (с. 155). Они пытались получить более точное представление о правах и обязанностях функционирования президиума ВСНХ, НТО, Научной комиссии НТО, Наркомпроса, Научного отдела Наркомпроса путем введения своих представителей в эти структуры, с тем чтобы получить картину управления научно-технической политикой страны (с. 157). Но это была довольно трудная задача, так как номенклатура различных ведомств ВСНХ, Наркомпроса и других наркоматов преследовала свои собственные интересы и ученые, за исключением представителей номенклатуры, были лишены возможности самостоятельного выбора масштабных проектов, требовавших значительных материальных и людских ресурсов.

Для сохранения жизни, свободы и профессии научно-педагогический корпус вынужден был частично диффундировать из центра — Петрограда и Москвы — на периферию, в города юга и востока, что значительно изменило привычный научно-образовательный ландшафт бывшей Российской империи. Возникли новые формы сотрудничества ученых, в том числе с властями на враждебных большевикам территориях, включая Украину, Сибирь и Дальний Восток. Соппротивление режиму со стороны ученых и борьба за свободу профессиональной деятельности шли рука об руку. Показательно, что сразу после октябрьского переворота профессора и преподаватели оказывали по крайней мере моральное противодействие решениям властей. Так, 9 декабря 1917 г. совет Петроградского университета высказался против ареста бывшего товарища министра просвещения Временного правительства графини Г. В. Паниной, которая отказалась передать большевикам денежные средства своего министерства (с. 98).

В дальнейшем такое вызывающее поведение ученых стало невозможным, ликвидация правовых и академических свобод набирала обороты. Идеиное противостояние ученых и номенклатуры отражает фрагмент книги, связанный с выражениями конкурентных позиций по поводу функций науки

в социуме, зафиксированных в статьях чиновника Наркомпроса Л. Г. Шапиро и академика А. Е. Ферсмана. Шапиро в 1918 г. сформулировал требования советской власти, предъявляемых к ученым: «...близость к проблемам производства, коллективистские формы исследований, государственная централизация научных работ и их регуляция...» По мнению авторов, эта статья вряд ли могла остаться незамеченной научным сообществом. Однако отклик на нее появился только через три года в публикации Ферсмана, где требования со стороны государства принимались с «большими оговорками». Ученый не соглашался с тезисом, что «коллективное творчество может заменить талантливого индивидуума», и также настаивал на том, что «научное сообщество должно само определять поле своей деятельности» (с. 128).

Ученые не оставляли возможности убедить большевиков в необходимости использовать их для выживания государства в условиях изоляционизма и хозяйственной разрухи. Эти усилия падали на благодатную почву марксистской веры большевиков в силу научных преобразований общества. А это, в свою очередь, привело к тому, что со второй половины 1919 г. власти стали оказывать экстренную помощь ученым, улучшая условия их быта и деятельности, способствуя созданию новых исследовательских институтов, научно-технических бюро, лабораторий, музеев, отделов и научных обществ (с. 258).

При всем этом номенклатурный контроль над деятельностью организаций и отдельных ученых усиливался, что вело к бюрократизации, жесткому администрированию и ограничению свободы творчества. Несколько либеральнее стала политика властей по отношению к ученым после окончания Гражданской войны и НЭПа. Особенно это касалось научных обществ, получивших возможности для самоорганизации и финансовую поддержку для своей работы. Авторами отмечен интересный факт: с 1918 по 1922 г. количество обществ сократилось, а количество членов во многих из них, наоборот, увеличилось (с. 254), что они связывают с возросшей кооперацией ученых не только для решения профессиональных задач, но и в связи с необходимостью выживания в условиях кризиса (с. 254). Но период НЭПа был довольно коротким, и уже с 1922 г. в стране началась законодательная кампания перерегистрации научных обществ, ознаменовавшая собой их частичную ликвидацию и общую советизацию.

Еще более нетерпимо номенклатурная власть относилась к существованию независимых ассоциаций ученых и работников вузов, занимавшихся профессиональной и социальной защитой своих членов, что показано в кейсе, связанном с историей возникновения и ликвидации в Петрограде Союза ученых учреждений и высших учебных заведений в 1917–1921 гг. Та же участь постигла и профессиональный союз профессоров и преподавателей высших учебных заведений Москвы, просуществовавший с 1918 по 1922 г. Следует отдать должное белорусскому историку Г. А. Петаченко, который в своей статье от 2016 г. уловил эту тенденцию свертывания деятельности профессиональных ассоциаций научных и педагогических кадров страны на протяжении 1920-х гг.⁷

⁷ Петаченко Г. А. Профессиональные объединения научных работников в Советской России (1918–1928 гг.) // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. № 4. 2016. С. 36–39.

Колчинский и Синельникова по результатам своего исследования пришли к важному выводу о том, что «чем сильнее кризис, тем больше разрушаются социальные связи, лишая науку внутреннего импульса к развитию и самоорганизации, усиливая ее зависимость от государства и региональной администрации» (с. 258). Именно существование большевистской, потом советской, а сейчас и российской номенклатуры с ее привилегиями, собственностью и «понятийностью» правовой сферы является тормозом процесса самоорганизации отечественных ученых и делает нашу науку перманентно мобилизационной, пытающейся догнать страны, которые определяют лицо мирового научного сообщества.

Заканчивая этот обзор, мне хочется привести две цитаты из воспоминаний Колчинского, опубликованных в 2014 г. Первая из них относится к его восприятию нового общественно-экономического строя, который пришел после распада СССР:

Рухнула многовековая мечта человечества построить общество социальной справедливости, без частной собственности и классовой разобщенности, и вместо тоталитарного государственно-бюрократического социализма возникло странное общество – без моральных и этических ценностей и без элементарного уважения к профессионализму⁸.

Вторая касается уже его профессионального взгляда на историю науки:

Мой опыт историка науки подсказывает плачевный финал, так как произошло самое непоправимое. Как в незабвенном 1948 г., власть решила, что может напрямую управлять наукой и судить, какая наука ему нужна, а какая нет. А уж здесь необозримое поле действия всяким откровенным проходимцам и шарлатанам типа Петрика. Вскоре во главе академических организаций вступают чиновники, главная задача, которых выполнять приказы вышестоящего начальника. А наука без свободы существовать не может. Свободу же могут дать только множественные источники финансирования и свободная конкуренция. А вот их-то в стране и нет⁹.

Если бы сегодня Эдуард Израилевич был с нами, интересно было бы его спросить: «После того как вы провели историко-научное исследование о периоде жесточайшего кризиса в отечественной науке и по прошествии семи лет после публикации воспоминаний и размышлений о жизни в условиях кризиса, изменилось ли что-то в вашем понимании – куда идет отечественная наука сегодня?» Вероятно, ответ могли бы попытаться реконструировать его соавторы, сотрудники, ученики и читатели. Последние, безусловно, будут задавать и свои собственные вопросы, потому что фундаментальная работа Колчинского и Синельниковой – это не только ответы на уже поставленные вопросы, но и мощный стимул для дальнейших историко-научных и науковедческих исследований.

⁸ Так вспоминается... С. 259.

⁹ Там же. С. 300.